

Начало тридцать четвертого года эры Дигэн

Гул неминуемой войны докатился из-за Великой стены Циньлянь до самых окраин Золотой столицы.

На великом утреннем совете император Дигэн сорвался на яростный крик, и его рев гулким эхом разнесся под высокими сводами тронного зала:

— Мерзавцы! Там же Город Трех Святых! Провинция Трех Святых — родовое гнездо клана Сюаньюань, как они посмели развязать войну на священной земле?! А что же орден Тяньцзи? Неужто эти затворники приняли сторону бунтовщиков?! Срочно снарядить гонцов! Доставить во дворец князя Сюаня, Сюаньюань У, из Восточной столицы! Немедля! Великого защитника Сюаньюань Кая назначить главнокомандующим Западного похода. Дать ему пятидесятитысячное войско под начало. Пусть возьмет с собой третьего принца, Сюаньюань Сюаня, и отправляется к заставе Холодных Снегов в провинции Фэнхуа. Пусть разузнает все и наведет там порядок!

Сюаньюань Кай тут же пал на колени перед тронном, покорно принимая верховное повеление.

К тому моменту следствие против второго принца, Сюаньюань Бэя, возглавляемое лично канцлером Цзи Сюэканом и главами трех судебных управ, завершилось. Прямых улик, изобличающих принца в заговоре и подготовке мятежа, сыщики так и не обнаружили, однако в его поместье нашли тайную переписку с Провинцией Трех Святых. В анонимных посланиях подробно расписывались оборонительные рубежи от Великой стены Циньлянь до самой Золотой столицы. Одной этой детали хватило, чтобы решить участь Сюаньюань Бэя.

Разгневанный император лишил сына титула, разжаловал в простолюдины и сослал в уединенный храм на горе Скрытого Дракона — отмаливать грехи и созерцать глубину своего падения.

Что же до третьего принца, Сюаньюань Сюаня, то его вину в укрывательстве заговора доказать не удалось. Он действительно не сообщил о подозрениях вовремя, но сослался на шаткость сведений. К тому же за него лично поручился великий защитник Сюаньюань Кай, и государь неохотно замаял дело. Теперь избавившийся от подозрений принц сопровождал Сюаньюань Кая. Во главе пятидесяти тысяч отборных латников они спешили на северо-запад, чтобы соединиться с пограничными силами и грудью встретить мятежников, наступавших со стороны Провинции Трех Святых.

Старший принц, Сюаньюань Сяо, остался в Золотой столице помогать отцу с государственными делами. Четвертого же принца, Сюаньюань Ся, приставили к ведомству снабжения — помогать чиновникам военного министерства стягивать провиант со всех концов империи для нужд заставы Холодных Снегов.

Когда утреннее собрание подошло к концу, министры и чиновники шести ведомств хлынули в управу великого канцлера. Время не ждало: армия готовилась выступить, и у канцелярии

оставались считанные часы на подготовку торжественных церемоний. В первый день императору надлежало совершить жертвоприношение в храме предков, испрашивая благословения на поход. На второй день государь отправлялся в западные пригороды на смотр войск. На утро третьего дня, перед самым созывом совета, планировалось торжественное принесение присяги военачальниками, после чего вся придворная знать должна была проводить армию до Западных городских ворот.

Ху Пэй, получив утвержденное великим правым помощником расписание императорских выездов, поспешил разнести документы по ведомствам. По дороге к министерским палатам он столкнулся лицом к лицу с четвертым принцем, Сюаньюань Ся, который поспешно выходил из Дворца Небесных Тайн. На лице принца горел странный, лихорадочный румянец. Заметив Ху Пэя, он выдавил натянутую, неловкую улыбку:

— Господин правый исправник... — пробормотал он и, не дожидаясь ответа, припустил по дорожке в сторону министерских управ.

Ху Пэй на мгновение замер, а затем бесшумно отступил в тень Павильона Прорицания Славы, прислонившись спиной к стене. Спустя мгновение из боковой двери Дворца Небесных Тайн неторопливо вышел шестой принц, Сюаньюань Юэ. Весь его облик дышал спокойствием и невозмутимой уверенностью. Ху Пэй выждал, пока принц скроется из виду, и лишь тогда покинул свое укрытие. Он посмотрел на плывущие по небу облака и тихо, иронично усмехнулся.

«Надо же. Оказывается, в этом дворце еще остались тайны, ускользающие от моих ушей. Забавно»

У министерских корпусов судьба вновь свела его с четвертым принцем. На этот раз Ху Пэй пригляделся к Сюаньюань Ся внимательнее. Обычно этого юношу никто не принимал всерьез — при дворе его считали безвольным и слабым. Куда ярче на его фоне смотрелся шестой принц, Сюаньюань Юэ. Тот хоть и держался в стороне от государственных интриг, но за внешней праздностью скрывал недюжинный ум и властную натуру. Из всех сыновей императора Сюаньюань Юэ казался самым притягательным: живой взгляд, утонченные манеры, и — что редкость для столь высокого происхождения — искреннее дружелюбие и скромность. Неудивительно, что восьмая сестра Ху Пэя, Ху Юньшань, до сих пор сохла по нему и умоляла отца выдать её замуж именно за шестого принца. Впрочем, глава семьи, Ху Юньшэнь, оставался непреклонен: никаких брачных союзов, пока император не объявит имя наследника престола.

Сюаньюань Ся, собиравшийся уходить, вдруг замялся и обернулся:

— Господин правый исправник!

Ху Пэй изящным, неторопливым движением повернулся к нему и вежливо поклонился, сложив руки перед грудью. Четвертый принц подошел ближе. Его взгляд заскользил по безупречному, холодному лицу собеседника.

— Восьмой брат ведь... любит тебя, не так ли? — едва слышно, словно борясь с удушьем, вытолкнул принц.

— Что, простите? — Ху Пэй слегка приподнял бровь, в упор посмотрев на Сюаньюань Ся. В этот миг он поймал себя на мысли, что у четвертого принца удивительно красивые, влажные глаза с лихорадочным блеском.

Сюаньюань Ся прикусил губу и, точно решившись на прыжок в бездну, заговорил быстрее:

— Я ведь когда-то повсюду следовал за старшим братом. Но потом... потом он счел меня никчемной обузой. Стал избегать, вышвырнул из своей жизни...

Ху Пэй действительно изумился. Они едва перекинулись парой слов за все время службы, и подобные излияния казались верхом неуместности. Он мягко, но решительно перебил принца:

— Ваше Высочество, уж не хотите ли вы сказать... — он не стал договаривать «что вас кто-то глубоко оскорбил», пощадив чужую гордость.

Сюаньюань Ся запнулся, но упрямо вернулся к прежнему:

— Так любит тебя восьмой? Впрочем, с твоим лицом... вряд ли кто-то способен остаться равнодушным.

Ху Пэй сощурился. Он холодно усмехнулся. Он внимательно изучал этого мечущегося, затравленного юношу и, кажется, начинал понимать причину его странной одержимости. Взгляд Ху Пэя скользнул к воротнику принца, где на бледной коже шеи отчетливо виднелось багровое пятно — след от чужих зубов или пальцев.

Заметив направление его взгляда, Сюаньюань Ся резко, испуганно прижал ладонь к шее. Его дыхание перехватило. На лице отразился дикий, животный страх — так смотрит пойманный зверь на того, кто без труда прочитал его постыдную тайну.

В этот момент до четвертого принца наконец дошло, почему Ху Пэй всегда держится так высокомерно и отстраненно. Этот юноша обладал не просто божественной красотой — в нем чувствовался внутренний стержень, непоколебимая духовная сила, сквозившая в каждом жесте, в каждом спокойном взгляде. Эта сила служила ему невидимым доспехом. Никто, даже самый могущественный безумец, не посмел бы осквернить или унижить Ху Пэя. Его гордость была осязаемой.

Осознав пропасть, разделяющую их, Сюаньюань Ся заставил себя выровнять дыхание и процедил сквозь зубы:

— Господин правый исправник, сегодня вечером, перед тем как запрут дворцовые ворота... не

согласитесь ли вы встретиться со мной здесь, под навесом Павильона Прорицания Славы?

Ху Пэй давно отвел взгляд, потеряв к чужим секретам всякий интерес. Он вежливо и пусто улыбнулся:

— Матушка строго наказывала мне возвращаться засветло. Не могу заставлять ее волноваться.

С этими словами он развернулся и как ни в чем не бывало направился к павильону министерств.

— Неужели тебе не интересно узнать, что на самом деле думает о тебе Сюаньюань Дуань?! — выкрикнул Сюаньюань Ся ему в спину, захлебываясь от злости. — Ты не хочешь знать, почему прежде он кутался в черные меха и веял могильным холодом, а теперь ради тебя нацепил белые одежды и притворяется ласковым?!

Ху Пэй остановился, слегка повернул голову и мягко, почти жалостливо улыбнулся принцу:

— Сила человека измеряется его собственной храбростью, а не тем, как на него смотрят другие. Разве не так, Ваше Высочество?

Не дожидаясь ответа, он продолжил свой путь. Сюаньюань Ся смотрел ему вслед, до боли сжимая кулаки. В его глазах, полных отчаяния, закипал яд.

«Почему? Почему те, кто рожден красивым, обречены на грязь и унижения, а этот лис... почему он один умудряется оставаться чистым и неприкосновенным?!»

У себя в кабинете Ху Пэй предстал перед наставником, великим канцлером Цзи Сюэканом. Передав ему бумаги от великого правого помощника, он принялся спокойно и по порядку излагать все, что могло заинтересовать канцлера: что император изволил кушать после совета, в каком пребывал расположении духа, кого принимал в личных покоях; какие замечания отпускал, просматривая доклады четырех советников; кто из наложниц пытался выхлопотать аудиенцию и как государь на это реагировал. При дворе династии Великая Чжоу влияние гарема часто недооценивали, однако судьбы принцев были накрепко связаны с их матерями, и те умели исподволь направлять волю государя. Должность правого исправника, позволявшая находиться подле монарха, давала идеальную возможность подмечать такие мелочи, которые ускользали от внимания обычных слуг и евнухов.

Выслушав доклад, Цзи Сюэкан задумчиво погладил бороду:

— Мой мальчик, времена нынче смутные. Любой неверный шаг может низвергнуть нас в пучину. Будь предельно осторожен и не спускай глаз с внутренних покоев дворца.

Ху Пэй почтительно склонил голову:

— Ваш ученик все исполнит, учитель.

Глядя на его покорный вид, канцлер внезапно прищурился:

— Кстати, я до сих пор не спрашивал твоего мнения обо всей этой истории с мятежом. Что думаешь?

Ху Пэй изумился. Задача была тонкой: нельзя казаться слишком проницательным, чтобы не вызвать у наставника подозрений и ревности, но и выказывать откровенную глупость тоже не следовало — Цзи Сюэкан прекрасно знал, что его ученик далеко не дурак.

— Учитель, а что вы думаете о первом принце? — осторожно спросил Ху Пэй.

— Хм? — Цзи Сюэкан на мгновение опешил. — Неужели ты полагаешь, что государь склоняется в его сторону?

Ху Пэй качнул головой:

— Император ни словом об этом не обмолвился. Но вашему ученику кажется, что сейчас, когда первый принц остался за старшего в Золотой столице, для него открываются блестящие возможности. Не так ли?

Цзи Сюэкан снисходительно рассмеялся:

— Ах, Пэй-эр, ты еще слишком молод. В политике никогда нельзя верить тому, что лежит на поверхности. Как в хорошей книге истинный смысл скрыт между строк, так и в дворцовых делах все куда тоньше. Пусть старший принц и сидит сейчас в столице, но не забывай про пятого принца. Он в Восточной столице и с минуты на минуту прибудет в Золотую столицу вместе с князем Сюанем.

Ху Пэй мысленно согласился. Старик Цзи уже просчитал, что государь прочит в наследники именно пятого принца, Сюаньюань Хая. Но разве пятому принцу не уготовано унаследовать титул князя Сюаня? Ведь кто-то должен занять это место в Восточной столице. Подавив лишние вопросы, он смиренно произнес:

— Ваш ученик проявил скудоумие.

— Ничего страшного. Ты молод, тебе еще только предстоит научиться читать в человеческих сердцах, — благодушно махнул рукой Цзи Сюэкан, пряча хитрый блеск в глубине глаз. — Набирайся опыта, держись ближе ко мне, учись — и пред тобой откроются великие дороги.

Ху Пэй рассыпался в благодарностях, спросил для виду еще о паре мелочей и, забрав бумаги

для доклада советников, отклонялся.

Вечером, задолго до того как дворцовая стража заперла ворота, Ху Пэй уже вернулся в свое поместье. Судьба четвертого принца его нисколько не волновала. Вместо того чтобы идти на сомнительную встречу, он просто отправил приглядеть за Сюаньюань Ся своего верного соглядатая — это было куда безопаснее и надежнее.

У себя в кабинете Ху Пэй немного почитал при свете свечи, после чего умылся и лег в постель.

Он бережно прижал к груди спящего лиса Фэйбая и закрыл глаза.

Когда-то, при первой их встрече, сокрытая в теле зверя духовная сущность Повелителя Грома то и дело пыталась играть с его разумом, утягивая душу Ху Пэя в кошмарные сны Девяти Преисподних. Но теперь, засыпая в обнимку со своим истинным лисьим телом, он обретал глубокий, безмятежный покой. Каждую ночь эта связь питала его душу, укрепляя духовные силы и наполняя тело первозданной энергией. И пока настоящий Повелитель Грома в далеком Подземелье Девяти Недр трудился не покладая рук, даже не подозревая о происходящем, его блуждающая духовная искра ночь за ночью делила ложе с Ху Пэем в полной гармонии.

За три последующих дня император Дигэн успел совершить паломничество к горе Скрытого Дракона, чтобы пред лицом предков вымолить удачу для воинства, а также лично посетил западные предместья, устроив смотр пятидесятитысячному ополчению.

В утро назначенного дня, едва забрезжил рассвет, на смотровой башне у врат Великого золотого дворца государь лично поднес чаши с горячей оленьей кровью Сюаньюань Каю и его военачальникам. Осушив ритуальные кубки, полководцы вскочили в седла. Под приветственные крики собравшихся чиновников кавалькада всадников прогрехотала сквозь распахнутые створы дворцовых ворот.

Дробный стук копыт разорвал утреннюю тишину Золотой столицы. Горожане, прослышавшие о выходе войска, спозаранку занимали места у окон постоянных дворов и чайных лавок, затаив дыхание глядя на грозную сталь доспехов.

С этого момента гонцы должны были трижды в день доставлять вести о продвижении войска в управу великого маршала. Пятидесятитысячная армия Сюаньюань Кая окончательно покинула лагерь в западных пригородах и устремилась к заставе Холодных Снегов.

После торжественных проводов в Зале Усердного Правления начался малый совет, где советники докладывали императору о текущих бумагах шести ведомств. Ху Пэй, как правый исправник, сопровождавший великого правого помощника, ждал в боковом приделе. Обычные чиновники отсюда не могли разобрать ни слова из того, что происходило за закрытыми дверями, но Ху Пэй своим чутким лисьим слухом улавливал каждый вздох.

Как выяснилось, приехавшие из Восточной столицы князь Сюань и пятый принц, Сюаньюань

Хай, сразу после проводов войска поспешили во дворец и теперь давали государю тайные объяснения.

— На крайнем северо-западе Провинции Трех Святых, за горным проходом Юэло, лежат бескрайние ледяные пустоши, — негромко докладывал князь Сюань, Сюаньюань У. — Там обитает дикое и свирепое племя моров. Эти варвары невероятно сильны телом и способны приручать полярных волков. Недавно они прорвались через перевал и начали разорять селения у горы Сюанькунь. Орден Тяньцзи не вмешивается в смуту в Провинции Трех Святых лишь потому, что все его силы брошены на отражение этого нашествия.

Император Дигэн облегченно выдохнул. Напряжение, терзавшее его последние дни, наконец отступило.

Главное — орден Тяньцзи не поддерживал мятежников. Значит, старший сын покойного государя, его царственный дядя, не замышлял переворота. Для Дигэна это было избавлением от худшего кошмара. Окажись Тяньцзи на стороне заговорщиков, трон Великой Чжоу зашатался бы под ним. Ведь Дигэн унаследовал власть лишь как сын выданной замуж принцессы, и в глазах многих его права на престол уступали правам чистокровных сыновей покойного императора — его дядьев. Если бы орден Тяньцзи пустил в ход легендарную Драконью печать, способную подчинить Железную гвардию Сюаньюань, участь императора была бы предрешена.

В конце концов, орден хранил у себя Драконью печать Сюаньюань, дававшую власть над всеми легионами империи. Стоило явить это знамение — и воля самого императора потеряла бы всякую силу перед преданностью гвардейцев древней клятве. Дигэн слишком хорошо помнил о зыбкости своего положения и панически боялся лишиться короны.

— Но насколько глубоко во все это втянут Сюаньюань Бэй? — хмуро спросил государь. — Этот негодный мальчишка уже заперт в храме на горе Скрытого Дракона, а мятежники в Провинции Трех Святых и не думают складывать оружие. Неужели они никак не связаны?

В глубине души отец все же надеялся, что его сын пострадал лишь по собственной глупости, а не из-за сознательного предательства.

Князь Сюань молча переглянулся с пятым принцем.

Сюаньюань Хай шагнул вперед и почтительно поклонился:

— Отец, моим людям удалось разузнать истину. Зачинщиками смуты выступают Сюань Жун, наследница по линии третьей дочери нашего великого основателя, и западный граф Юань Чжэнь. Они тайно собирали армию в своих землях. Что же до второго брата... Я лично изучил материалы допросов в трех управах. Похоже, его цинично использовали. Сюань Жун и Юань Чжэнь лишь прикрывались его именем, чтобы облегчить себе стягивание войск и припасов.

— Болван! Набитый дурак! — в сердцах сплюнул император.

Узнав, что сын не был главным заговорщиком, он слегка успокоился, но глупость Сюаньюань Бэя по-прежнему приводила его в бешенство.

Вскоре его гнев перекинулся на истинных виновников бунта:

— В империи царит мир, народ спокоен! Какого беса им еще надо?! По закону предков, отпрыски боковых ветвей, сосланные в провинции, лишаются всех привилегий власти. Они носят простые фамилии Сюань и Юань и должны жить как обычные подданные! Раз уж они замыслили измену, передайте Сюаньюань Каю мой личный приказ: пусть выбьет бунтовщиков из-за заставы Холодных Снегов, возьмет Сюань Жун и Юань Чжэня живыми и доставит в оковах в Золотую столицу. Я сам допрошу этих тварей!

Стоявший у трона министр военного ведомства поспешно склонился, принимая повеление.

Придя в благодушное настроение после разъяснений, Дигэн с почтением и теплотой обратился к своему молодому дяде, князю Сюаню. Чиновники военного министерства и советники тут же поняли, что государь желает побеседовать с родственником с глазу на глаз о делах семейных. Дождавшись знака от дворцового евнуха, они бесшумно покинули зал, пятась и низко кланяясь.

<http://bllate.org/book/18313/1765834>